

ЖАК ДЕ ПЛАНСИ

АНТИ-СКАЗКИ ИЛИ
СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ,
РАССКАЗАННЫЕ В
ТЕМНОТЕ

Жак де Планси

**Анти-сказки или Страшные
истории, рассказанные в темноте**

«Остеон-Групп»

де Планси Ж. А.

Анти-сказки или Страшные истории, рассказанные в темноте /
Ж. А. де Планси — «Остеон-Групп» ,

ISBN 978-1-77246-652-2

Все говорят, что сказки – это особый жанр, подразумевающий попадание обычных героев в экстремальные и даже вовсе невероятные обстоятельства. Для чего же потребовалось вычлнять из них ещё и какие-то там «анти-сказки»? Для того, чтобы родители понимали, что в анти-сказках невероятны и герои, и сами обстоятельства, и вообще всё идёт сикось-накось. Такие сказки порой прячутся среди ряда обычных волшебных сказок, но предваряются разными подзаголовками типа «быличка», «небывальщина». Словом, абсурд – он и в Африке абсурд. Могут задать вопрос – а нужны ли нашим детям такие сказки? Честно говоря, каким-то, может, и не нужны. А некоторые почитают про всякую чертовщину с удовольствием. Все эти сказки были написаны как минимум лет 200 тому назад, когда фантастический жанр ещё не изобрели, фэнтэзийный – тем более, а продвинутым детям, да и взрослым было интересно прочесть нечто среднее между волшебной сказкой, рыцарским романом и ужасником, такое, чтобы не слишком кошмарно, но и не совсем детское. Я собрал такие истории, и русские, и европейские, и предлагаю их теперь современному читателю. За последние 200 лет все они не переиздавались.

ISBN 978-1-77246-652-2

© де Планси Ж. А.

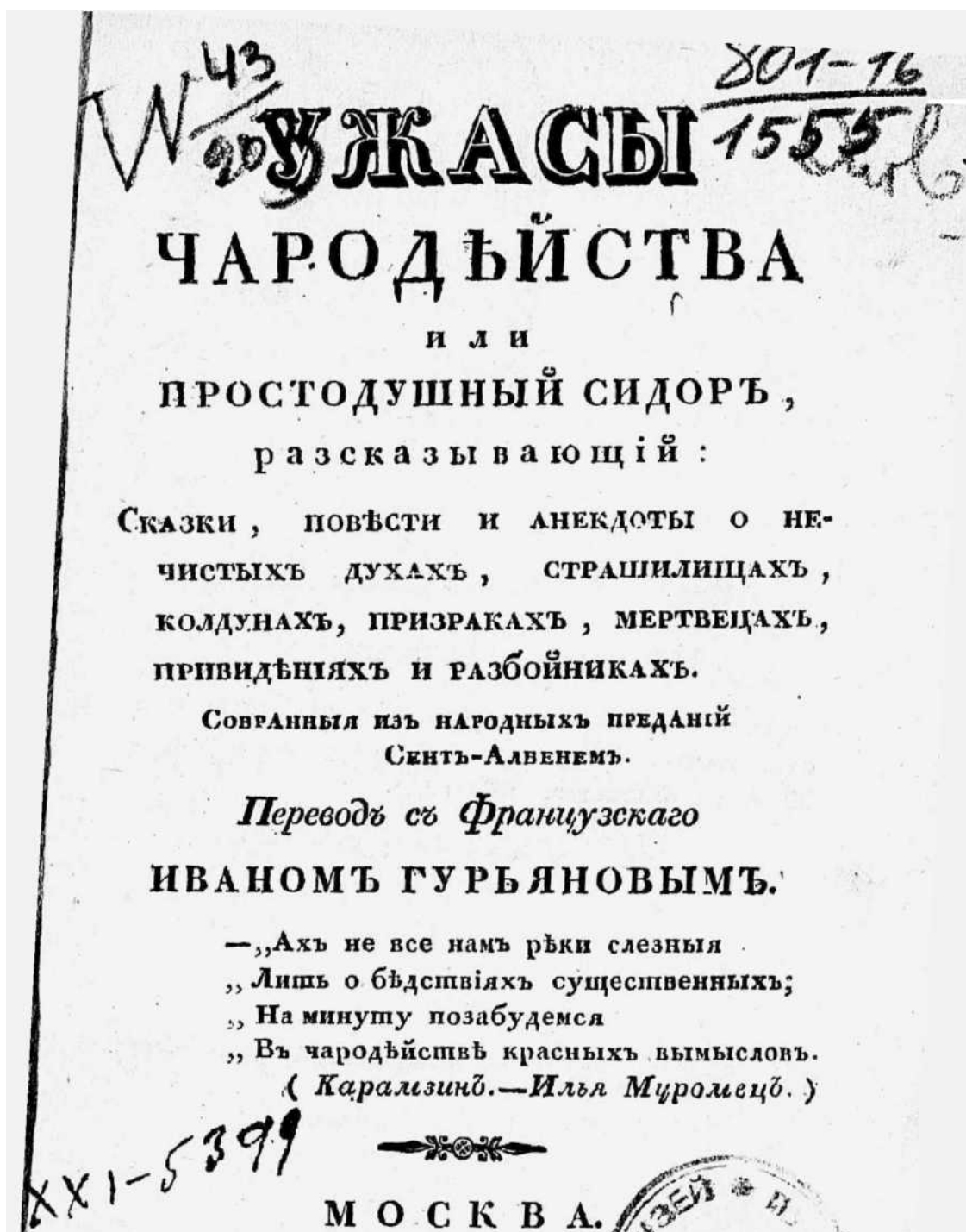
© «Остеон-Групп»

Содержание

Книжка первая. УЖАСЫ ЧАРОДЕЙСТВА или Простодушный Сидор, рассказывающий сказки, повести и анекдоты о нечистых духах, страшилищах, колдунах, призраках, мертвецах, привидениях и разбойниках, собранные из народных преданий Сент-Албенем	6
Предуведомление	8
От переводчика	9
I. Чёртова житница	10
II. Изгнанные домовые.	15
III. Видение. – Страстная любовь.	17
IV. Весёлый мертвец	21
V. Рауль-волшебник	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Жак Альбен Колин де Планси и др. Анти-сказки или Страшные истории, рассказанные в темноте

Книжка первая. УЖАСЫ ЧАРОДЕЙСТВА
или Простодушный Сидор, рассказывающий
сказки, повести и анекдоты о нечистых
духах, страшилищах, колдунах, призраках,
мертвецах, привидениях и разбойниках,
собранные из народных преданий Сент-Албеном



*Ах, не всё нам реки слезные
Лишь о бедствиях существенных;
На минуту позабудемся
В чародействе красных выслов.*

Карамзин «Илья Муромец»

Предуведомление от Автора.

Народные немецкие сказки, изданные в Германии, побудили меня к составлению этой книги, а советы некоторых известных наших писателей послужили мне руководством, и я собрал эти повести.

Меня без сомнения осудят за то, что я включил здесь довольно много смешного и несбыточного; на что отвечаю: всё, что я ни собрал здесь для рассказа – не есть плод моего воображения; но слышанное от многих добрых людей, почитавших все чудесное в этих сказках сущую правдою и до сих пор остающихся при своих мнениях. Их трудно переуверить в том, что слышали они от дедушек и бабушек своих.

Я выдал в свет эти сказки, как памятник суеверных народных мнений, и не переменяю в рассказе ничего, кроме слога; а если некоторые найдут меня неправым в том, что я включил и такие повести, которые правдоподобны, то они и не подлежат под заглавие *сказок*, а помещены для разнообразия; посему-то старался я смешную или чудесную сказку поместить подле печальной и правдоподобной повести; от сего разнообразия произошло и разнообразие слога, так, на пример, повести *Прекрасная Юлия* и *Габриела Прованская* не могли быть писаны таким же слогом, как *Ужасный козел в амбаре* или *Чёртова житница* и проч.

Я не принимал труда к исправлению ничего неправдоподобного и к смягчению мнений в суеверных этих сказках, поскольку здравомыслящий Читатель ничего такого и не потребует от такого рода книги, а пожелает, конечно, только того, чтобы в ней было побольше чудесного, и чтобы она могла хотя бы несколько развлечь читающего во время скучных часов его жизни.

Впрочем слово: *Сказки*, кажется, освобождают меня от излишней отчётливости.

От переводчика

Любезный читатель! Посмотри на заглавный лист этой книги и прочти избранный мною эпиграф. Вот причина того, почему я перевёл французские народные сказки. Конечно, лучше бы собрать свои отечественные; но не всякой имеет такое перо, как Автор *«Ильи Муромца, Руслана или Лафертовской маковницы»*¹. – Мне было скучно: я прочел эти сказки, случайно попавшиеся мне на глаза и, казалось, во все время моего чтения, скука с угрюмым челом своим не была предо мною; вскоре, опять-таки от скуки, перевел я их, и от души желаю, чтобы эти чудные, странные и смешные сказки прогнали скуку и от читателя-соотечественника. По мере моей возможности я старался, передавая рассказы иностранца, сохранить самой простой слог и тем уподобить их сказкам русским, – не знаю, преуспел ли? По крайней мере, я имел это своей целью. Впрочем, я буду доволен и тем, если какой-нибудь читатель, мучимый бессонницею от досады, что не может превзойти ближнего своего или в богатстве или в почестях, заснёт под моим переводом. И это будет благо; ибо книга эта, погрузив его в сон, лишит способности изобрести что-либо ко вреду счастливого своего *ближнего*.

Иван Гурьянов.

¹ Мистико-фантастическая повесть Антония Погорельского, написанная в 1825 г.

I. Чёртова житница

В одной из французских провинций, именуемой Шампанью, очень давно жил зажиточной крестьянин Жан Мюлен. Спокойно и счастливо протекала жизнь его в трудах около полей и виноградника; он с удовольствием видел, что добрая жена его, Катерина, ежегодно умножала его семейство новым наследником или наследницею. Но на этом свете нет ничего прочного, и наш добрый Жан испытал это на себе: минуло несколько лет, всё шло как нельзя лучше, наконец, под осень, когда хлеб уже был собран и заготовлены запасы на зиму, ударил гром – и дом Жана загорелся, житница, амбары и все принадлежности превратились в пепел. Жан Мюлен, – будем впредь называть его просто Жаном – разорился бы вконец, если бы по счастью не спас он от пламени небольшой суммы денег сохранённой им в прежние годы.

Вскоре Жан выстроил новый домик, но казна его не прибывала, а убывала, и это огорчало все семейство. В крестьянском быту без житницы дело плохо. Добрый Жан наш, видя, что жатва уже поспевает, и что хлеб и виноград, стоивший ему таких трудов и терпения, не удобно собирать в чужие амбары, просил и друзей, и родственников помочь ему в постройке житницы; но на сей раз все они ему наотрез отказали.

Богатому обеднеть тяжело! – Однажды вечером в страшной грусти бродил он около полей своих, и возвращаясь домой, на перекрёстке, встретил незнакомого человека высокого роста, одетого в чёрное платье; ноги у него были весьма безобразны и обуты в какие-то странные полусапожки, а на руках у него были красные перчатки.

Скоро вступили они в разговор, и незнакомец, расспросив Жана о его печали, сказал, что легко может его горю помочь, если только он ему совершенно поверится.

– Каким же образом? – спросил Жан

– Выслушай меня, – отвечал прохожий, – и не бойся. Я имею сверхъестественную силу и люблю детей. Отдай мне то дитя, которым теперь беременна жена твоя – и житница твоя будет готова до первых петухов нынешней ночи.

– С нами крёстная сила! – вскричал Жан и перекрестился.

В ту же минуту черной незнакомец с шумом пропал, и Жан догадался, что разговаривал с нечистым духом. Сердце его забилося от страха; он поспешил возвратиться домой и положил твердое намерение не вступать в подобный торг никогда.

Но хлеб поспевал, а житницы у Жана так и не было. Что было делать? На ум приходило и то, и сё, думал даже и о том, как бы ему вновь увидеться с черным прохожим и убедить его на какое-нибудь другое условие; но надежда его тотчас уничтожалась, когда вспоминал он, что чёрный тот тип *особенно любил детей*. Наступало уже и время жатвы, поспевал уже и виноград, а житницы еще не было; очень грустно было Жану. Однажды, бродя по полям, он набрёл нечаянно на тот же перекрёсток, где встретил незнакомца. На дворе уже наступила ночь. Он сел на межу и глубоко вздохнул три раза.

– Ну! Неужели ты еще не решился? – спросил его вдруг представший перед ним чёрный прохожий. – У тебя же и так пятеро детей, что тебе прибыли в шестом, если и первые должны умереть с голода? Что ты боишься мне его верить? Я буду заботиться о нём и тебя сделаю богатым...

Быть богатым – это сводило с ума многих. Несчастный Жан дал кровью своею написанную записку, что отдаст младенца тотчас же по его рождении тому, кто принесёт к нему его кровавую записку, но с тем только, чтобы в сию же ночь до первых петухов была готова житница.

Дело сделано. Жан пришел домой, жена и дети встретили его с радостью; но он был печален и не мог ужинать. Едва лишь улеглись его домашние, он вышел посмотреть, что у него на дворе делается, и что ж увидел он? – Сотни чудовищных, уродливых нечистых духов сносили

отовсюду бревна, доски, солому, и в глубоком молчании, но с величайшим прилежанием строили житницу. Лица этих работников были огненного цвета, пальцы крючковаты, ноги безобразны, на головах рога, у иных длинные, а у иных короткие; – хвосты доказывали, что это были за работники. Начальник их, ужасного роста, и еще безобразнее, беспрестанно понуждал ленивых. Жану казалось, что это был тот самый тип, с которым он сходил на перекрестке, но теперь наружность прохожего была не такова: он был чёрен как сажа, и только местами кой-где на нем были заметны пятна огненного цвета; ноги его имели подобие змей и были покрыты шерстью; длинный хвост его, изгибаясь во все стороны, служил ему плетью, для понуждения к работе ему подчинённых острые длинные когти, козлиная борода, страшный зев с тройным рядом острых зубов, ослиные уши и страшные рога служили ему украшением. – Иван затрепетал от ужаса, когда пришло ему в голову, кому отдал он свое детище! Но в тот же час добрый Ангел внушил ему мысль бежать к одному из его соседей, который почитался учёнейшим из всего околотка.

Сосед удивился столь позднему посещению, но, узнав причину, оделся как можно поспешнее.

– Дай Бог, Жан, чтобы на твоё счастье Сатана не успел достроить житницу, иначе бедное твое дитя пропало – и ты также. – Так говорил умной сосед, выходя из дому, и почти бегом достиг жилища, где нечистые духи всё ещё продолжали работу.

Сосед тотчас бросился в курятник и выгнал оттуда всех кур. Проснувшийся петух запел, и – вся нечистая сила исчезла, недостроив житницы. Еще несколько минут, и чёртова работа, конечно, была бы завершена, тогда условие было бы в своей силе: несчастный Жан и дитя его были бы достоянием Сатаны и ада; но теперь работа была прервана, и Жан не знал, как ему благодарить своего соседа-благодетеля.

Наступил день; весь околоток узнал про странное приключение, и все сходились посмотреть житницу. Некоторые втайне и сами желали вступить в такую же связь с чёртом; но не знали, где найти его. Из сострадания соседи хотели было доделать недоконченную житницу; но намерения и усилия их были тщетны: всё, что они ни делали в течение дня, все это было разрушаемо ночью, и житница долго ещё – говорят, – стояла недовыстроенная и, наконец, сгорела от молнии.

Между тем Катерина родила дочь и вскоре умерла. Маленькая Анна была отдана кормилице, но была так несчастлива, что всякая кормилица, приняв её, или делалась больна, или теряла молоко. Огорченный Иван был вынужден отдать маленькую Аннушку на воспитание сестре своей, живущей в предместье города Сезана.

Первый год по смерти Катерины прошёл без всяких особенных происшествий, только тот в самый день, когда была построена житница, и в самый тот час, когда работа чертей прервана была пением петуха, на вершине житницы ежегодно слышался шум, грохот и временное возгорание молнии. Соседи уверяли за подлинное, что они в то время видали даже летающих чудовищ страшного вида, с крыльями, как у летучих мышей, с длинными хвостами и красными рогами на головах. Это странное явление было видимо всегда в упомянутую ночь и в течение всей жизни Анны не уменьшалось.

Когда меньшая дочь Жана достигла 16 лет и была чрезвычайно хороша собою, многие молодые люди сватались за нее, и отец намеревался выдать Анну замуж, предполагая тем уничтожить страхи, наводимые нечистыми духами на дом его и даже на весь околоток, но сердце Анны было еще свободно, и свадьба всегда откладывалась до следующей осени.

На 18 году от роду, в одну ночь, Анна уснула, размышляя о выборе жениха. В сновидении ей представился прекраснейший молодой человек, щегольски одетый. Его томный и нежный взгляд тронул сердце девицы. Молодой человек взял её руку и с почтением поцеловал её. Анна проснулась и изумилась, увидев пред собою точно того незнакомца.

– Кто ты? – спросила она, прикрываясь одеялом.

– Невольник красоты твоей, – отвечал молодой человек, – пылающий чистой любовью и решившийся умереть, если ты отринешь мои чувства.

Поражённая такой любовью и удивлением, Анна, оправляясь от первого страха, пожелала знать, каким образом он вошёл в её спальню.

– Что нужды в этом? Довольно того, что я люблю тебя, и буду любить всегда, – остальное предоставь знать мне. – Так отвечал молодой красавец и, продолжал свои уверения в пламенной и вечной любви. – Анна была молода и не привыкла к лести. Сердце её билось сильнее и сильнее. Убеждения незнакомца проникали в душу её и она дала ему слово любить единственно его, прося однако же его тотчас выйти и оставить одну подумать обо всём хорошенько. Молодой человек повиновался и вышел в окно.

Анна встала, подбежала к окну, хотела посмотреть, в которую сторону пошел её любезный, но она не увидела ничего. Любовь, удивление и страх волновали её чувства; она бросилась в постель, но не могла заснуть.

Весь наступивший день была она печальна и как бы потеряна. Тетка её спрашивала причину; но она не говорила ничего о ночном посещении молодого человека, вероятно или потому, что она боялась обнаружить страсть свою, или потому, что он воспретил ей это разглашать до времени.

В следующую ночь незнакомец опять явился у постели прекрасной Анны. Любовь и нежность его еще более усугубились. Посещения эти продолжались 8 дней. Анна еще и не знала имени своего любезного, но чувство любви её к нему возросло до высшей степени: она сделалась бледна, задумчива, не употребляла пищи и приметно ослабевала. Все это заметили; но никто не знал истинной причины; догадливые старушки намекали в тайных своих беседах о любви, но всегда ошибались в её предмете.

На девятую ночь прекрасный незнакомец, всегда пламенный и почтительный, сделался смелее; Анна еще колебалась, но его убеждения были сильнее: она дала ему наконец клятву быть его и принадлежать ему. Утренняя заря разлучила любовников, утопавших в восторгах любви...

Весь следующий день она не выходила из своей горницы, думала о минувшей ночи и решила непременно в первое же свидание с любезным убедить его приступить к свадьбе. Часы этого дня казались ей длинны, как годы.

Настала ночь; часы пробили 12. Анна прислушивалась к малейшему шороху, ожидая своего любезного; но он еще не приходил. Около двух часов за полночь ей послышался страшный шум; окошко её задрожало, и она видит вошедшее чудовище, кровавого цвета, с длинною бородою, всклокоченными волосами и с какою-то кочергою в руках. Девицу объял трепет; она хотела закричать, но чудовище закрыло ей рот своею холодною и мохнатою лапою, село к ней на постель и пожирало ее глазами. Девушка обмерла.

– *Ты моя навеки! Ты поклялась мне в этом!* – произнесло чудовище после нескольких минут молчания и исчезло... Горница наполнилась смрадом.

Анна, придя в себя, закричала, прибежала испугавшаяся тётка: но услышав от племянницы о её встрече чудовищем, назвала ее суеверною и возвратилась в свою комнату.

Легко вообразить, в каком страхе и в каких мыслях провела Анна остаток ночи. Поутру тётка нашла её на постели больною, почти при смерти; тотчас послали за священником, который употребил всё своё красноречие, чтобы успокоить больную.

На следующую ночь тётка осталась при племяннице и, желая успокоить ее, смеялась и над её страхами, и над привидениями. Лишь только ударило два часа, как окно с треском растворилось, и чудовище в прежнем виде предстало пред постелью Анны. Она вскрикнула, а тетка без чувств упала на пол.

Чудовище наклонилось к постели, взяло руку девицы, посмотрело на нее и сказало также, как и прошедшую ночь: «*Ты моя навеки, ты поклялась мне в этом!*» – и исчезло.

Долго после сего спустя, тётка первая пришла в чувство, закричала, подняла с постели своего мужа и других домашних, и всем им, когда они прибежали, рассказала, что племянница не ошиблась, и что она уже сама, своими глазами видела самого Сатану.

С общего совета послали тотчас за умным соседом, некогда помогшим отцу Анны. Он пришел и, осмотрев всё жилище, сказал, чтобы дитя, тётка и двое двоюродных братьев хозяйина остались с ним на всю ночь при постели девушки. Настала ночь, и все расположились на стульях около Анны, в твердом намерении не спать; но едва ударило 12 часов, как всех объял глубокой сон, даже и саму Аннушку, которая уже несколько ночей не могла заснуть; конечно сон этот был ничто иное, как напущение нечистой силы.

В полночь девица была разбужена, и кем же, как вы думаете? Её милым, молодым любовником, которого она не видала она в течение двух ужасных ночей, и который тихо извинялся пред нею, что по некоторым обстоятельствам не мог так долго быть у нее. Бедная Аннушка поверила, обрадовалась и забыла все страхи. Восковая свечка, принесённая соседом, горела на столе весьма томно. Аннушка предалась радости, увидев своего любезного, до такой степени, что близка была к тому, чтобы забыть и себя и всех около неё сидящих, но вдруг что-то упало в переднем углу, и сосед, который сидел ближе всех к постели, проснулся и взглянул на молодого щёголя; он тотчас догадался, кто был сей похититель, и бросил что-то бывшее у него в руке на незнакомца. Тот мигом сделался недвижим и принял настоящий ужасный свой вид, ужасный, но не для бедной Аннушки: она видела его все еще в образе своего милого любовника. Сосед встал, разбудил всех спящих. Все ужаснулись, увидев страшилище; тетка упала на пол. Сосед оправил свечку и начал заклинать дьявола пояснить причину его прихода. Едва он закончил своё заклинание, как и бедная девица освободилась от очарования и узнала в любовнике своем того самого, который в прежние ночи наводил присутствием своим на нее ужас. Она вскрикнула и лишилась чувств. Тогда враг человеческого рода сказал страшным голосом:

– Она моя навеки, она поклялась мне в той её Богом, и никакая уже сила не отымет её от меня. Её ещё не было на свете, как получил я от её отца на неё полное право, но ты разрушил мои права, теперь же...

Страшилище хотело уже увлечь свою жертву, но сосед, предусмотрев его намерение, брызнул на лежащую без чувств девушку из маленькой скляночки несколько капель святой воды. Сатана отскочил от постели и страшно заревел.

Сосед начал делать снова свои заклинания и наконец сказал:

– Ты успел обольстить несчастную, также как и отца её; ты погубил её, но не возьмешь её, пока не дашь ей время проститься с отцом, которому принадлежала она по правам гораздо священнейшим.

– Я согласен дать время; но сколько ты на это требуешь?

– Пока не догорит эта восковая свечка, – сказал сосед, показывая на маленькой огарок, горящий на столе.

– О! согласен! согласен!

– Клянись же!

Чудовище начало бормотать что-то понятное одному только соседу, и как только он окончил, как сосед потушил огарок и тотчас положил его в чашку, полную Святой водой.

Сатана задрожал, заскрежетал зубами и исчез в виде пламени. Несчастливая девица пришла наконец в чувство.

– Слава Богу! – сказал сосед. – Мы спасли Аннушку; но надобно быть осторожными, и для того сей час отнесите эту чашу с водою и огарочком к священнику. Он знает, как сохранить её, только расскажите всё как происходило.

Дядя хотел было сам отнести; но сосед, зная хитрость нечистых духов, не хотел вверить ему сего сокровища, и сам отнёс воду и огарок Священнику, который тотчас внёс их в церковь.

Так Сатана лишился своей жертвы.

Аннушка не видала уже более духа, оправилась от своей болезни, но была всегда печальна. Спустя три года, один молодой человек увидел Аннушку, полюбил ее и, не смотря на то, что ему рассказали всё с ней случившееся, присватался и взял её за себя.

Долго и счастливо жили они вместе, любили друг друга, и враг не мог уже нарушить покоя Аннушки. Когда же умер отец её, то снова по ночам соседи видали над домом его летающих страшилищ, но вреда от того никому не было.

II. Изгнанные домовые.

В одном Французском городе, а именно в Ренне, жил один Стряпчий, о котором многие отзывались не лучшей стороны. В народе шла молва, что он многих обидел, пустил по миру и заставил умереть в печали и нужде. Стряпчий помер, и с самого дня его смерти появились в огромном его доме домовые и начали разные свои шалости. Кому не известно, что домовые шалют, производят шум, стук, но никому не бывают видимы. Шалости домовых нагнали такой страх на всю родню стряпчего и на всех живущих в доме, что все выехали, и дом сделался необитаем. Не смотря однако ж на это, соседи долго слышали шум в опустелом доме.

По прошествии 9 месяцев после смерти стряпчего шум в доме совершенно смолк. Наследники старались продать его, но покупатели боялись: ибо едва только кто, приторговавшись, входил в дом посмотреть на то, что покупает, как шум возобновлялся. Так продолжалось довольно долго; было много охотников; но дом никто так и не мог купить. Наконец нашелся один старый драгунский капитан, который смеялся над всеми суеверными бреднями, не верил ни в домовых, ни в привидений, и который, не смотря на разные слухи, купил этот дом за дешевую цену и смело переехал в него.

Наступил вечер. Офицер приказал развести в большом зале в камине огонь, приготовил пару добрых пистолетов, палаш и сел, ожидая появления своих неприятных и незваных жильцов.

Скоро послышалось ему, что кто-то ходит около него. Он обернулся, но никого не увидел. Через несколько минут он почувствовал, что его кто-то крепко схватил за ухо. Офицер рассердился, схватил пистолет, обернулся и увидел позади себя у софы приготовленный на одну персону прекрасный ужин.

– Ого! если меня схватили за ухо только для того, чтобы я сел поужинать, – громко сказал офицер, – то это можно было сделать и не так неучтиво.

Офицер встал и подошёл к софе, но как только он сел, стол сам собою отодвинулся на середину зала. Офицер пошёл за столом, но тот беспрестанно отходил от него то в ту, то в другую сторону.

Офицер начал бегать за столом в намерении схватить его, но ни тут-то было, стол бегал прытче его.

– Ну к чёрту! Право, так шутить с королевским офицером не годится! – вскричал уставший офицер и бросился на софу. Лишь только он сел, как стол сам собою подвинулся к нему и остановился в надлежащем положении. Вкусные по виду и запаху кушанья разрезывались сами собою и клались на тарелку; бутылка откупорилась также сама собою, и невидимые хлебосолы налили полный стакан вина.

– Так и быть, – сказал офицер, – надобно забыть произошедшее из благодарности за такое угощение!

Сказав это, офицер хотел было взятый им кусок хлеба и говядины поднести ко рту; уже кусок касался почти губ, как вдруг кусок выскочил у него из рук и очутился на середине залы.

По залу прокатился громкий хохот.

С досады и для большей смелости, офицер схватил стакан вина, приложил к губам, хотел отпить, но по усам потекло, а в рот не попало: вино лилось, но не в рот, а на пол. Как ни вертел офицер стакан и как ни старался он выпить, но никак не мог.

Опять по залу прокатился громкий хохот и топотня.

Можно вообразить, как рассердился офицер на такую шутку. Он схватил пистолет и обнажил палаш, но не видал перед собою никого; и так, не зная кого наказать за дерзость, положил пистолет на камин. В ту же минуту, как он это сделал, у обоих пистолетов сами собою выскочили кремни и пропали. Офицер присмирел немного, зазвонил в колокольчик и прика-

зал вошедшему своему человеку подать свой ужин. Тотчас стол был накрыт; но каково было удивление офицера, когда все кушанья, которые вносил человек его и которые офицер ясно видел на блюдах, как скоро были поставлены на стол, то пропадали. Офицер сам наливал в стакан из бутылки вино; но налитый стакан пропадал со стола и снова являлся порожний.

По залу снова прошёлся шум и хохот; все люди, прислуживавшие барину, со страху разбежались.

Офицер струсил не на шутку и пошел к одному своему старинному приятелю ужинать и посоветоваться что ему делать. Этот его товарищ имел познания в тайной магии и, выслушав друга своего, накормил его ужином и дал ему какое-то заклинание, научив, как употребить его.

Обрадованный капитан тотчас возвратился домой и по-прежнему поместился в зале. Поправив в камине огонь, он приступил, по наставлению друга своего, к действию заклинаний: он поставил в одном углу стул, столик и свечку, очертил около всего этого мелом тройной круг, сел на стул и начал читать заклинание. Он прочел его в первый раз, по зале пронёлся шум, прочёл в другой раз, шум увеличился; но когда начал читать в третий раз, то всё утихло, и едва он закончил, как явился пред ним из полу дух в виде прекрасного какого-то существа; на голове его горели пять ярких звезд. Зал сам собою осветился.

– Что тебе угодно? – сказал дух. – Я готов служить тебе, ибо должен повиноваться повелениям того, кто вручил тебе это заклинание.

– Когда так, то скажи, пожалуйста, кто эти проклятые домовые, которые не допускают никого жить в этом моём доме?

– Смотри!

Офицер взглянула в ту сторону залы, на которую показал дух, и ясно увидел до полу-сотни разных мохнатых и уродливых, больших и малых привидений, которые прыгали, вертелись, кривлялись и делали друг над другом разные штуки. Они порывались подскакивать и к офицеру; но какая то невидимая сила удерживала их в той стороне залы; дух о пяти звездах стоял спокойно и сказал:

– Вот те, которые не позволяли никому жить в твоём доме; они присланы сюда душами тех, которые пронырством и крючкотворством умершего стряпчего лишились всего имущества и принуждены были умереть от горя и нужды. Никакая человеческая власть не в силах их изгнать отсюда; но я могу; ибо они повинуются мне, как я – мудрому Соломону.

– Изгони же их, и я буду тебе благодарен.

Дух обернулся, дунул на толпу домовых – и они исчезли. Офицер поблагодарил духа, который также вскоре исчез, и дом совершенно очистился от домовых.

III. Видение. – Страстная любовь.

(Повесть)

В старину рассказывали, что любовь производила чудеса. Век рыцарства наполнен такого рода происшествиями, которые свидетельствуют, что точно любовь управляла всеми действиями тогдашнего времени; ныне она также видна, но только в романах, а в сущности почти невероятна, и, следовательно, тем более примечательна.

Некогда во одной французской провинции, известной под именем Лангедока, жили Альфонс и Юлия; они оба были детьми зажиточных поселян одной деревни; оба имели одинаковые наклонности, одинаковые почти недостатки, одинаковые вкусы, и следовательно, неудивительно, что они полюбили друг друга. Время укрепило эту любовь; и никакая порочная мысль с обеих сторон не оскверняла этого чувства.

Альфонсу минуло 24 года, а Юлии 18. Родители, давно замечавшие любовь детей, наконец изъявили согласие на брак, и отлагали день совершения его единственно для того, чтобы изготавиться отпраздновать его пышнее.

Двоюродный дядя Юлии, со стороны матери, был богатый купец города Марселя и, нажив огромный капитал, хотя ничем не помогал отцу невесты, но был очень уважаем. Его ожидали к свадьбе, потому что он сам вызвался оказать им такую честь.

Дни, которые были проведены в ожидании этого дяди, казались обоим любящимся целыми годами, а приезд его был для них несказанной радостью.

Он приехал; обрадованная племянница расцеловала руки своего дяденьки.

Надобно сказать, что этот дядя имел у себя сына, которого называли Эрнестом, и который, пользуясь богатством и слабостью отца своего, предавался спокойно всем порывам страстей. – Его все называли повесою; девицы и даже молодые мужчины, воспитанные в страхе Божиим, его избегали, как язвы.

Лишь только Эрнест увидел Юлию, как в его сердце вспыхнула сильная страсть, которая дотеле была ему неизвестна. Он сейчас же увидел, что не имел надежды, но не привыкнув себе ни в чем отказывать, он дал полную волю своей страсти. Невинность Юлии, скромность её, добродетель, образ обращения, совершенно непринуждённого, и весёлый нрав умножали силу этой страсти и заставили его открыться в любви. Юлия удивилась и спокойно сказала ему, что чрез три дни рука её будет принадлежать тому, кому она уже давно обещана. Повеса начал уверять ее, что так как это есть первая любовь его, которой он никогда еще не испытывал, то он и не может ей противиться; он продолжал подкреплять свои уверения, напоминая о своем богатстве. Юлия рассердилась в первый раз в своей жизни, ушла от него, не отвечая, и также в первый раз почувствовала печаль, которую поспешила сообщить милому своему Альфонсу.

Альфонс, выслушав Юлию, постарался ее успокоить тем, что вероятно отец её, давший уже слово и распустивший об этом слухи, не захочет изменить обещания, а к тому же и отец Эрнеста, конечно, не согласится, чтобы сын его взял неравную партию. Альфонс успокоил Юлию, но сам страшился сего случая, ибо знал, что богатство Эрнеста может много сделать.

Юлия рано легла спать, потому что не хотела видеть соперника своего друга; – а Эрнест, пользуясь этим отсутствием Юлии, в вечерней беседе стариков сообщил им о своей страсти. Отец его, имевший другие намерения насчёт его супружества, никак не хотел согласиться; но когда Эрнест решительно объявил, что он умрёт, если не будет мужем Юлии, и тогда отец его согласился на всё.

Отца Юлии уговорить было легко, потому что он не знал ничего на свете лучше богатства, а присоединив к тому ещё и то, что дочь его будет женою не крестьянина, а Марсельского

купеческого сына, можно, наверно, предположить, что с его стороны мало было сопротивления. Любовь в его глазах было такое чувство, которое рождалось только после свадьбы, а иначе еще, это была только игра воображения.

В сей же вечер отец Юлии послал к Альфонсу сказать, что условие их о браке с его дочерью разрушилось по непредвиденным обстоятельствам, и что он его просит не ходить более в его дом.

Легко можно представить себе положение Альфонса: в сердце его замерли все чувства; он машинально вышел из дому отца своего в лес и там в слезах провёл всю следующую ночь.

Показалась заря.

«Вот, – сказал он сам себе в ужасном горе, – последний из моих дней! Вчера я был еще счастлив; вчера еще я вкушал сладостные надежды и вдруг лишился всего. Чего ждать еще? Неужели того, чтоб горе повергло меня на долговременный и мучительный одр болезни? Чтобы смерть помаленьку и с адскими мучениями исторгла жизнь мою? – Нет! Я должен умереть, не пережив моего несчастья; но прежде я должен увидеть мою Юлию, пожелать ей счастья, получить последний поцелуй – и тогда умру спокойно».

Ночь проведенная им без сна и ужасное горе снова лишили его сил: он пал на землю – и благодетельный сон сомкнул его ресницы.

Между тем отец, на следующее после объяснения утро, вошёл к Юлии и сказал ей, что она должна выкинуть из головы Альфонса и приготовиться послезавтра стать женою богатого Эрнеста, её двоюродного брата².

– Боже мой! – вскричала Юлия. – Батюшка! Неужели вы хотите разлучить меня с Альфонсом? Неужели?.. – она не могла договорить и упала в постель.

– Эрнест должен быть твоим мужем, и никто другой, – прервал отец строгим голосом. – Ты должна любить Эрнеста, я тебе приказываю, а вместе с тем запрещаю отныне видаться и говорить с Альфонсом; – я еще вчера объявил ему это. – Отец вышел, дочь осталась без чувств.

Этот и следующий дни прошли весьма печально для несчастных любовников. Юлия не выходила из своей горницы и не осушала глаз. Альфонс бродил оба дня около жилища своей любезной. Ужасная скорбь снедала его сердце; он хотел видеть Юлию или своего соперника, но не мог видеть ни того, ни другого.

Настала ночь. Альфонс вошел на двор отца Юлии. Спущенная с цепи собака стерегла богатые житницы и конюшню. Она узнала доброго Альфонса, не залаяла, но начала ласкаться.

– Доброе животное! – сказал Альфонс, – О как много ты превосходишь добротой сердца твоего человека; тот, кто единожды приобретёт твою привязанность, тому уже нечего страшиться потерять ее.

Собака поласкалась и побежала на задний двор. Альфонс с трепетом подошел под окошко Юлии. Прислушивается; слышит тяжёлые вздохи и всхлипывания своей любезной; сердце его сжимается.

Юлия еще раз хочет увидеть небо, которое обещало ей радости и которое теперь есть безмолвный свидетель её горя. Она отворяет окно и видит своего друга.

– Боже мой! – вскричала Юлия. – Это ты... Завтра наступит день, который должен был соединить нас с тобой навеки и сделать счастливыми... Но завтра... нас хотят разлучить... Есть лучший свет, там мы соединимся... Милый Альфонс, прости, но... пооди домой. Если тебя увидят...

Боюсь... Прости... Скоро увидишь ты, как я люблю тебя!

Альфонс не мог выговорить ни слова; все чувства его замерли.

² У католиков допускается законом двоюродным вступать в брак (прим. автора).

Они поцеловались, поклялись снова любить друг друга вечно, услышали какой то шум в соседней горнице и расстались. Юлия закрыла окна, а Альфонс отошёл от убежища, где заключалось всё, что было для него наидрагоценнейшего на свете.

* * *

Едва лишь начало на дворе светать, как родители Юлии вошли в её комнату, чтобы одевать невесту в церковь. Но что же они увидели? – Мертвый и обезображенный труп их дочери лежал на окровавленной постели.

Ужас и скорбь овладели несчастными. На крик и вой их сбежался весь дом; но пособить было уже нечем. Юлия была холодна как лед, и приготовления к свадьбе переменялись на приготовления к погребению.

Эрнест и отец его испугались, и в ту же минуту уехали в Марсель, а отец Юлии проклинал и алчность свою к богатству, и знатного дядю и любовь.

Скоро слухи эти достигли ушей Альфонса. В ужасном горе он вскричал:

– Это много! слишком много! Она меня предупредила... но я догоню ее!

В ту же минуту он хотел также, как и его любезная, лишиться себя жизни, но случившиеся при том люди его удержали. Они отнесли его на постель, совершенно лишённого чувств. Он опаматовался и снова начал порываться лишиться себя жизни; тогда родители принуждены были его связать. Ни просьбы его родителей, ни увещевания знакомых не могли его успокоить: он призывал смерть, отказывался от пищи и предавался неутешному горю.

Настала ночь. Несчастный, утомленный Альфонс заснул с вечера. Родители его и друзья удостоверясь, что он успокоился, оставили его одного. Краток был сон его. Он открыл глаза. В ту же минуту спальня его осветилась каким-то томным блеском, с помощью которого увидел он близ себя юную деву в белой окровавленной одежде.

Привидение распахнуло покрывало, и Альфонс узнал Юлию. Она подошла к самой его постели.

– Боже милосердный! – вскричал он, – ты ли это, Юлия!?

– Так, – отвечало привидение, – я пришла из области смерти чтобы увидеть тебя и сказать тебе: живи и сохраняй жизнь твою, дарованную тебе небом.

– Как могу я жить без тебя, дражайшая Юлия?

– Ты должен жить непременно, не подражай моей преступной смерти; живи для умоления разгневанного мною милосердного Бога; живи и молись, чтобы Он простил смертный грех мой; я, – Юлия, твоя, любящая тебя Юлия, заклинаю тебя исполнить мои просьбы.

Призрак исчез. Альфонс был неподвижен. Ему мечтается еще слышать голос обожаемой им Юлии; но скоро он опомнился и удостоверился, что Юлии более нет для него.

Горе снова лишило его чувств.

Почтуту родители и друзья нашли его уже спокойнее; но он был так слаб, что ежеминутно ожидали конца его жизни. Призванный доктор дал ему несколько капель лекарства и, казалось, они имели желаемое действие; доктор однако же сомневался в его жизни.

В наступающую ночь Юлия опять явилась у одра болящего, сама влила ему в рот несколько капель эликсира. Альфонс почувствовал обновление сил.

– Любезный Альфонс! Прошу и заклинаю тебя, живи и умоляй обо мне милосердного Бога, которого огорчила я моим смертоубийством.

– Повинуюсь, дражайшая Юлия, но не хочу более видеть людей, хочу посвятить себя Богу. Хочу молиться далеко от людей.

– Я могу это сделать, – сказала Юлия, – следуй за мною. – Она подала руку больному; он получил новые силы, встал и пошёл за Юлией.

Двери отворялись и затворялись сами собою. Настал день: родители не нашли своего сына, погоревали и включили его в число умерших, ибо полагали, что он ушел в горячке и где-нибудь погиб.

Через несколько лет узнали, что Альфонс поселился далеко от Лангедока, жил в пустыне и избегал людей. Там молился он за Юлию, и когда мера молитв его исполнилась, тогда Юлия в светлой одежде предстала страдальцу и объявила ему, что грех её разрешён милосердным Богом.

Альфонс обрадовался и умер на руках своей любезной. Тело Альфонса так и не было найдено в его пустыне.

IV. Весёлый мертвец

Один студент маленького городка Вилетты, что в полумиле от города Арсиса, будучи уже в престарелых летах³, женился на одной молоденькой крестьянке. Прошел один год и один день после его свадьбы, как Агриппина, так звалась его жена, умерла родами, произведя на свет довольно хорошее дитя.

Студент был уже слаб, и женился, собственно сказать, для того, чтобы только иметь кого-либо для товарищества и для того, чтобы кто-нибудь мог прислужить ему. Соседи это знали, и злоречивые из них поговаривали на стороне, будто бы родившееся дитя не принадлежало Студенту, прибавляя к тому, что часто видели покойную Агриппину с каким-то высоким мужчиной, одетым в чёрное платье, и что таковые их свидания бывали всегда скрытны. Слухи эти дошли и до Студента, сердце его облилось кровно, но как он был почтителен к памяти всех умерших, то потому и молчал, показывая будто ничего такого не подозревает.

В девятый вечер после похорон, он, прочтя обыкновенную вечернюю молитву, лег спать; ему представилось, что люди говорят правду, и что его покойная Агриппина точно была не целомудренна, он начал сердиться; в это время дитя, которое он старался укачать в колыбели, не засыпало и кричало, чем еще более расстраивало смутный дух старого Студента, он с сердцем закричал, приподнявшись на постели.

– Да уснёшь ли ты, неугомонное дитя! Замолчи и дай по крайней мере мне заснуть, или чёрт тебя возьми и с твоей проклятой матерью!

Только успел он выговорить это, как услышал будто что-то покатилося на подволоке, потом раздался глухой шум и наконец время от времени слышался какой-то странный крик, которого он не мог разобрать.

Студент задрожал от страха; сердце его хотело выскочить из груди. Он ясно видел, что несправедливость его обидела душу покойной его Агриппины, кусал себе губы, втайне проклинал свою нескромность; но его раскаяние не помогало, шум на подволоке, стук и крик не уменьшались. Старый Студент не знал что делать, он не мог ни кричать, ни встать с постели.

Ночь эта показалась ему веком. Он не думал уже и пережить ее, приготовлялся отдать душу свою Богу и от чистого сердца молился об упокоении души жены его Агриппины, обещаясь отслужить по ней 9 панихид сряду.

Настало утро, шум умолк и наш старик поспешил, встав с постели, и весь покрытый холодным потом, отправился к дьячку и пономарю их приходской церкви.

Они со вниманием выслушали странное его приключение и решительно уверяли, что это была душа покойницы, которая требует поминовения для очищения ее как можно скорее от очистительного огня и что, если не удовлетворится её требование, то она не преминет прийти и выдернуть у неблагодарного мужа её ноги своими холодными костяными руками, чему было множество примеров.

У старого студента волосы поднялись дыбом. Он тотчас побежал к священнику, и заказал ему девять панихид.

К вечеру он возвратился домой несколько спокойнее духом; но вообразите же страх его, когда в сумерках на подволоке поднялся такой же шум и крик, как в прошлую ночь. Студент испугался пуще прежнего и стремглав бросился к дьячку, жившему с ним по соседству.

Благоразумный дьячок, тотчас рассудил, что двум человекам невозможно идти к мертвецам и одолеть их, а потому пригласил с собою двух молодых здоровых парней, которые, узнав причину, хвалились, что готовы попробовать силу свою и с самим сатаною.

³ В средние века учились порой до старости лет, пока была охота (прим. ред.).

Студент обрадовался и все четверо бодро пошли в дом, где шумел мертвец, однако жар их простыл, когда услышали они, что там, на подволоке, кто-то кидает что-то тяжелое, что кто-то крепко стучит в потолок; а потом, когда услышали крик, похожий на визг, то побледнели и решительно сказали, что кто хочет быть жив, тот, конечно, не должен оставаться в сём гнездилище мертвецов и чертей.

В это время пришел к Студенту за каким-то делом крестьянин по имени Симон, мужик здоровый, твердый и бесстрашный. Хозяин чрезвычайно обрадовался его приходу и тотчас рассказал ему про своё несчастье. Симон спокойно уселся на скамейке и захотел послушать повнимательнее шум и крик производимые мертвецами.

Посидев около четверти часа, отважный Симон предложил слазить на подволоку и посмотреть что там такое.

Все ужаснулись.

– Как, дядя Симон, – сказал дьячок, – неужели ты осмелишься посмотреть на мертвеца, которой может, если только дотронется до тебя пальцем, сделать тебя уродом – помнишь ли ты тетку Орину, которую так избил мертвец, что она не могла и встать? А Большого Жака, которого мой дедушка знал еще тогда когда он был мальчиком; помнишь ли как он захотел узнать мертвеца; которой ломал у него в доме разные вещи; помнишь ли что с ним случилось? Мертвец дал ему такую плюху, что у него половина зубов выпали. Нет по-моему, так лучше идти к батюшке-священнику, да посоветоваться или уж совсем бросить этот дом.

– Оно-то хорошо! – сказал Симон. – А между тем всё лучше сходить на подволоку да посмотреть, что там и как. Вот эти двое парней пусть пойдут со мною, а ты с хозяином останешься внизу.

Симон дал одному из парней в руки свечу, другого вооружил вилами и сам пошел впереди них, взяв в левую руку полено, а в правую – зачерпнув горсть пыли с намерением, если мертвец или кто другой нападет на него, то засыпать ему глаза и тогда начать управляться.

Твердо спустил Симон на подволоку; товарищи следовали за ним не очень близко и беспрестанно озираясь. Едва лишь Симон ступил наверх, как шум умолк. Смелчак и его товарищи долго ходили по чердаку, но не могли увидеть мертвеца и сошли долой.

Между тем хозяин и дьячок, оставшись внизу одни, были, так сказать, без души.

– Нет наверху ни мертвеца, ни чёрта, – сказал, входя в горницу, Симон.

– Уррр! уррр! – раздалось на потолке в ту же минуту, и дьячок упал на пол и начал креститься; крестьяне, невольные товарищи Симона, побелели как мука; стук сделался ещё громче.

– Ах ты, Господи, – сказал дьячок приподнимаясь, – мертвец не хочешь чтобы его видели и сердится за то, что мы осмелились его отыскивать. Нет! нет! Я ни за что на свете не хотел бы жить в этом доме; вот уж можно сказать истинное несчастье!

– Ты всё не то говоришь, – сказал отважный Симон; – надобно опять лезть на верх, но только уж без свечи!

– С нами крестная сила! – вскричали почти в один голос оба крестьянина и дьячок, что же касается до хозяина, то он молчал и стоял, как приговорённый к смерти.

Сколько благоразумный Симон не уговаривал, чтобы кто-нибудь решился идти с ним, но никто не согласился. Итак он пошел один.

Едва лишь ступил он на чердак, как шум умолк. Симон облокотился на перекладину и в глубоком молчании начал прислушиваться.

С минуту спустя, шум начался снова и Симон явственно услышал, как что-то катается близ ног его. Он тихонько наклонился и начал ощупывать, чтобы это было и тотчас поймал нечто круглое, которое катилось по помосту чердака.

– Ага! так вот, что так здесь шумело, так вот и мертвец! – закричал Симон.

Четыре его товарища, стоявшие внизу, услышали, что Симон поймал мертвеца, побледнели и думали уже, что наступил последний час их.

Симон сошёл вниз и показал им, что он поймал наверху.

Долго никто не осмеливался взглянуть ни на Симона, ни на то, что принёс он; наконец они взглянули и увидели, что это была толстая, глиняная фляга, круглой формы и крепко закупоренная.

– Ах Боже мой! – вскричал Студент, да это же любимая фляга моей покойной жены; назад тому с полгода или более как, она наполнила её ячменём, желая сделать для меня на зиму питьё, но не успела моя голубушка: она захворала, а фляга всё стояла наверху. Когда ей покойной было уже очень тяжело, тогда, не помню, за чем-то пошел я наверх и, увидев флягу не заткнутую, закупорил и положил на пол. Добрая моя жёнушка, это, верно, она в отмщение моей дерзкой несправедливости, поместилась во флягу и катала ее, доказывая свою невинность и напоминая, как она меня любила и заботилась обо мне. Но что ж мы будем делать? Как принудить ее выйти?

– Постой сосед, – сказал Симон, – я знаю как ее отсюда выгнать.

Он положил Флягу на пол и чрез несколько секунд Фляга быстро сама собою покатила по полу. Все задрожали, но Симон улыбнулся.

Он взял толстое полено и сильно ударил по катающейся еще фляге. Она развалилась и из ячменной шелухи, рассыпавшейся по полу, выскочила большая крыса, которая тот же час и убежала сквозь щель в подпол.

Хозяин, дьячок и крестьяне стояли, разинув рот и не видали света Божия от страха.

– Ну, г-н Студент, – сказал улыбаясь Симон, – теперь дом твой очищен от мертвецов и шуму более не будет.

– Но мертвец еще в доме, – сказал Дьячок, – мы своими глазами видели как он, приняв вид какого-то дымчатого чертёнка с предлинным хвостом и острыми ушами, скрылся в подпол.

Сколько ни заверял Симон, что это была крыса, которая вероятно забралась к ячменю во флягу, когда она стояла не заткнута и свила там себе гнездо; и что можно ясно видеть, что студент во время болезни его жены, огорчённый и в поспешности закупорил флягу, не выгнав оттуда крысы, которая теперь как белка в колесе хотела освободиться, бегала по фляге и катала её по помосту, но не мог уверить никого.

Студент, скоро после сего, хотя уже шум и прекратился совершенно, продал свой дом и переселился на квартиру.

V. Рауль-волшебник

(Сказка из рыцарских времен).

Каббалисты, маги и знаменитые волшебники древности утверждают, что весь свет наполнен такими невидимыми существами, которые повинуюсь власти высшей, служат людям, но иногда и вредят им. Они разделяют существа эти на разные роды; именно: саламандры, говорят они, живут в огне; сильфы – в воздухе, гномы – во внутренности земли, а русалки и нимфы в воде. – Множество чудес рассказывают об этих существах, которые у совершенных каббалистов находятся в совершенном послушании. Они-то в нашей сказке и сыграют главную роль.

В старые времена жил один рыцарь, прекрасный собою, храбрый, честный и чувствительный. Имя его было граф Роберт Пуатье. Ему было не более 28 лет; но, известный прямодушием и всеми прекрасными качествами, он заслужил от всех любовь и почтение. Граф несколько лет питал пламенную любовь к прелестной Леонтине Невер.

Ныне с любовью не то происходит, что в древности: ныне молодые люди полюбили друг друга; родители или родственники составили рядную, сообразили итоги доходов любящихся, да и в церковь. Конец делу. В старину было не то: влюбленные по несколько лет питали взаимную страсть, старались многими опытами доказать непоколебимость своего священного чувства; старались делами приобрести себе почтение любезной, и в награду постоянства своего и дел отличивших его от прочих, получали руку своей любезной...

Такое терпение ныне не в моде.

Граф Пуатье также, как славный рыцарь, искал приключений, побивал великанов, задущал мощною рукою чудовищ, ниспровергал тиранов, защищал невинность и все ещё не почитал себя достойным обладать прекрасною Леонтиною; однако же осмелился попросить у графа Невера руку его дочери. Неверу приятно было это предложение: он согласился, но просил его прежде свадьбы быть участником в начинающейся войне с соседом его, графом Раулем, учиняющим многие насилия над его подданными.

– Ваша рука, – прибавил он, – благородный рыцарь, должна наказать сего злодея, отступника и колдуна.

Рыцарь, воодушевлённый надеждою получить руку своей возлюбленной, поклялся своему тестю честью, что отмстит изуверу Раулю, который к тому же был известен как волшебник и чернокнижник. Поход был назначен через три дня. Рыцарь посвятил время это на прощанье с Леонтиною, на уверения, что этой победою сделается он ещё достойнее руки её, и на приготовления к походу.

Настал назначенный день 1-е мая. 200 всадников и 500 воинов пехоты, под начальством графа Пуатье, выступили против его соседа-волшебника.

Вечером того же дня войско сие остановилось на ночлег близ леса; рыцарь Роберт Пуатье послал передовых узнать в каком состоянии находится неприятель, а сам, вступив в лес, лёг под деревом и крепко заснул.

Около полуночи, когда все войска погружены были в глубокой сон, рыцарь почувствовал, что его будят, и что рука, дотрагивающаяся до него, чрезвычайно нежна. Он открыл глаза, но не видя около себя при свете полной луны никого, почёл это приятным сном и опять заснул. Скоро почувствовал он, что та же рука снова будила его и уже сильнее прежнего.

– Вот что удивительно, – вскричал рыцарь, вскочив с земли и озираясь кругом, – кто б это был, кто меня будил.

– Роберт! – сказал нежный голос, – следуй за мною!

В ту же минуту граф заметил впереди себя идущую стройную женскую тень. Он не колеблется, берет в руки меч свой и идет за тенью, пробираясь сквозь чащу леса, по скалам и наконец достигает прекрасного грота.

Тень остановилась, но рыцарь не видит самого предмета и удивляется.

– Благородный рыцарь, – сказала она, – я знаю благородство твоего сердца; поклянись мне исполнить то, о чем я буду просить тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.